

005002593

На правах рукописи

Липич Тамара Ивановна

**РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКИЙ РОМАНТИЗМ
В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР РОССИИ И ГЕРМАНИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

09.00.13 – философская антропология, философия культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

17 НОЯ 2011

Белгород 2011

Работа выполнена на кафедре философии
ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»

Научный консультант: доктор философских наук, профессор
Римский Виктор Павлович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Маслин Михаил Александрович

доктор философских наук, профессор
Королева Людмила Георгиевна

доктор философских наук, доцент
Усачев Александр Владимирович

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Тульский государственный
педагогический университет
им. Л.Н. Толстого»

Защита состоится 28 декабря 2011 г. в 14.00 на заседании совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.015.05 по философским наукам при НИУ «БелГУ» (308600 г. Белгород, ул. Преображенская, 78).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке НИУ «БелГУ» (308015 г. Белгород, ул. Победы, 85).

Автореферат разослан «__» _____ 2011 г.

Автореферат размещен на официальном сайте НИУ «БелГУ»:
<http://www.bsu.edu.ru>

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук, профессор

В.Н. Шилов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Формирование национальной философской культуры является одной из ведущих составляющих развития любой страны. Важнейшее значение для оценки состояния философской культуры имеет не абстрактное сопоставление различных типов философской деятельности, а конкретный анализ самого процесса производства философского знания в рассматриваемую эпоху. Эволюция мировой культуры с исторической закономерностью доказывает, что каждый народ имеет свое время и свой интеллектуальный багаж для зарождения национальной философии и ее развития в диалоге с инонациональными философскими культурами. Пробуждению такого самосознания предшествует определенный культурно-исторический опыт.

Специфика развития русской философии, её своеобразие, связь с западноевропейской философской мыслью стали предметом интеллектуальной рефлексии уже в XIX веке. Для нас это становится особенно актуальным в переломную историческую эпоху, когда возникает потребность в осмыслении собственной истории, осознании своей национальной идентичности. Однако национальная самобытность предполагает культурную открытость как «вызовам» времени, так и инокультурному влиянию, диалог с другими культурами в общечеловеческом контексте.

Изучение диалога культур сегодня становится особенно актуальным, так как диалог в области гуманитарного знания, культуры в целом раздвигает границы общения между народами, государствами и цивилизациями. Это способствует лучшему познанию и обогащению национальной культуры, самоидентификации нации, цивилизации и человека. Особое значение для России имел русско-немецкий культурный диалог, имеющий давнюю историю в течение трех последних столетий, а в области литературы и философии особенно плодотворную историю в первую половину XIX века. В процессе этого диалога оттачивалось то, что можно назвать своеобразием национального культурно-философского дискурса, включавшего в свой состав метафорич-

ность русского философского языка и поэтичность мышления, формирование концептов, отражающих общефилософский категориально-понятийный аппарат в русской языковой «телесности» и многие другие качества. Содержание такого дискурса отнюдь не сводится к формальным культурным или стилизованным заимствованиям, но характеризуется синхронным развитием смыслопорождающей культурно-коммуникативной деятельности, формирующей субъекта литературно-философского творчества, выступающей конкретно-историческим способом диалога культур.

В диссертационной работе предпринято исследование становления отечественного литературно-философского романтизма первой половины XIX века сквозь призму диалога с немецкой романтической и классической философией и культурой. В контексте данного диалога выявляются интерпретации и репрезентации основных идей немецкой философии в творчестве русских писателей-романтиков и философов первой половины XIX века.

Степень научной разработанности проблемы. Вопрос о взаимодействии философии и литературы в первой половине XIX века в России является малоизученным. Историки философии обращают больше внимания на становление и перспективу развития философской мысли данной эпохи, а историки литературы, в свою очередь, изучают характерные особенности литературного процесса. Но более поздняя научная рефлексия показывает, что происходящий между ними диалог фиксирует живой процесс, не отделяющий литературу от философии.

Непреодолимый, устойчивый исследовательский интерес философской и филологической науки последних лет к теоретическим и методологическим вопросам романтизма как культурного феномена окончательно развеял иллюзию завершённой ясности и научной исчерпанности предмета и дал веские основания полагать, что эта крупная философская, культурологическая и литературоведческая проблема не только не утратила своей актуальности, но и требует современного решения. Различным аспектам изучения русского и европейского романтизма посвящены дискуссии на страницах философской и

филологической периодики, а также отдельные монографические работы (И.А. Айзиковой, Н.М. Ильченко, Ф.З. Кануновой, Л.А. Капитановой, Е.Н. Куприяновой, Ю.В. Манна,, Л.А. Мирской, И.А. Монастырской, В.О Пигулевского, В.Д. Панасий, Е.Г. Рудневой, В.И.Сахарова, Л.Е Семенова, В.Ю Троицкого, Ф.П. Федорова, Л. Фризмана, Л.А. Ходанен, В.И. Хрулева, Е.Г. Чернышевой и др.). Одни исследователи рассматривают романтизм как историко-культурное явление, как *тип культурного сознания* (работы Т.Л. Шумковой, В.И. Хрулева, А.Н. Соколова, У.Р. Фохта, Н.А. Гуляева, А.М. Микешина, В.С. Турчина, В.И. Коровина, В.И. Сахарова, Д.С.Наливайко, Л.Г. Королевой и др.). Другие авторы анализируют теоретические аспекты романтизма, позволяющие глубже осмыслить природу романтических явлений, их *философско-психологическую* составляющую (например, работы Р.Г. Магиной). В последние годы романтизм рассматривается и как философско-эстетическое явление (работы Ю.В. Манна, В.И. Сахарова, Р.М. Габитовой, Н.Я. Берковского, И.В. Карташовой, В.В. Липича, В.В. Ванслова, Е.А. Маймина, Р.М. Алейника и др.). Русская культура, философия и литература не обойдены вниманием и представителями современной западной философии и русистики (Л. Бегби, А. Шёнле, Л.Г. Лейтон, В. Беньямин, Г. Дишнер, Г. Пранг, Р.Фабер и др.).

Анализу *литературно-философского мифотворчества* и устремленности к созданию мифа, направленного в сферу жизни духа, присущих философскому и литературному романтизму, посвящен ряд фундаментальных исследований (работы С.С. Аверинцева, М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, А.Ф.Лосева, Ю.М. Лотмана, М.Ф. Овсянникова, Р.Ю. Данилевского, А.В. Михайлова, Ю.Н. Попова, И.В. Карташовой, Е.Г. Милюгиной, Л.А. Ходанен и др.).

Примечательным и положительным фактом последних десятилетий является издание в России фундаментальных трудов по истории русской философии и культуры, принадлежащих русской религиозной философии: Н.А.Бердяева, С.Н. Булгакова, Б.П. Вышеславцева, М.О. Гершензона,

В.В.Зеньковского, В.И. Иванова, А.В. Койре, К.Н. Леонтьева, Н.О. Лосского, Е.Н. и С.Н. Трубецких, Г.П. Федотова, Г.В. Флоровского, Г.Г. Шпета, Б.В.Яковенко и др. В этом же ряду стоит оформление в течение последних двадцати лет нормативного отечественного дисциплинарного и диатрибического тезауруса, воплощенного в справочных и учебных изданиях: словарь «Русская философия» (1995, 1999), «Русская философия, Малый энциклопедический словарь» (1995) под ред. М.А. Маслина, а также энциклопедия «Русская философия» под ред. М.А. Маслина (2007), переведенная на многие иностранные языки.

Специфика отечественной философии, а также её взаимодействие с различными философскими течениями других стран, её место и роль в мировой культуре исследуются в работах таких авторов, как А.И. Абрамов, И.А.Айзикова, Е.А. Антонов, К.М. Антонов, В.Ф. Асмус, Е.В. Барабанов, Т.И. Благова, Ю.А Бубнов, П.П. Гайденко, М.Н. Громов, А.В. Гулыга, А.Э.Еремеев, А.Н. Ерыгин, З.А. Каменский, Ф.З. Канунова, А.А. Корольков, А.Ф. Лосев, Ю.В. Манн, Е.В. Мареева, М.А. Маслин, Н.В. Мотрошилова, протоирей Владимир Мустафин, А.Г. Мысливченко, С.Н. Никольский, С.Н.Носов, Е.В. Павлова, А.В. Панибратцев, В.В. Сербиненко, И.Н. Сиземская, А.Д. Сухов, А.В. Усачев, С.С. Хоружий и др. Проблеме русско-немецких связей уделяют внимание в своих работах такие исследователи как А.И. Абрамов, М.П. Алексеев, Ю.Л. Аркан, А.Н. Веселовский, С.А. Воробьева, Р.Ю. Данилевский, И.В. Добряк, Т.П. Емельянова, Н.К. Бонецкая, Н.М. Ильченко, В.М. Жирмунский, Н.И. Конрад, В.И. Кулешов, Ю.Д. Левин, З.Е. Либензон, Л.А.И.В. Калинин, Н.В. Мотрошилова, И.Г. Неупокоева, А.М. Песков, Л.Е. Семенов, Г.А. Тиме, В.Н. Топоров, С.А. Чернов и др.

Необходимо также назвать и таких авторов как В.П. Бабинцев, Ю.А. Бубнов, В.В. Ванчугов, А.А. Галактионов, Г.В. Драч, Б.Ф. Егоров, И.И. Евлампиев, А.А. Ермичев, А.Ф. Замалеев, М.А. Маслин, П.Ф. Никандров, П.А. Сапронов, В.Ф. Пустарнаков, К.В. Фараджев, Л.Е. Шапошников и др. Специфике отечественной философии в философско-культурологи-

ческом, философско-антропологическом и литературно-философском аспектах были посвящены в последние годы кандидатские и докторские диссертации таких исследователей, как В.Р. Аминева, А.Л. Анисин, Ю.Л. Аркан, Е.Н. Дубовскова, Г.В. Жигунова, Н.П. Жилина, Н.А. Каштанова, С.М. Климова, Л.Г. Королева, Н.А. Куценко, А.А. Лагунов, В.П. Попов, Л.И. Рудаков, Е.В. Семенова, А.Ф. Поломошнов, А.В. Усачев, И.В. Цвык и др.

Концепт и идея диалога в истории философии и культуры давно получил легитимацию в различных школах и направлениях современной философии (Р.Барт, М.М. Бахтин, М. Бубер, А.И.Введенский, Г.-Г. Гадамер, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, И.И. Лапшин, Э. Левинас, К. Леви-Строс, Н.С. Трубецкой и др.).

Идеи диалогизма в культурно-семиотическом аспекте в 60-80-е гг. XX века развивали представители тартуско-московской культурологической школы (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров, Е.М.Мелетинский и др.). Сегодня конкретные теоретические подходы к проблеме диалога претерпевают изменения (возникают, например, идеи «универсального диалога» М.С. Кагана, «диалога культурных миров» Г.С. Померанца, «полилога культур» как формы диалога множества культур О.Н. Астафьевой). Проблемы диалога в той или иной степени затрагивают, кроме названных западных и отечественных философов, такие авторы, как В.С. Библер, Ю.А. Бубнов, С.Л.Бурмистров, Н.Л. Виноградова, И.В. Зиновьев, И.В. Добряк, С.М. Климова, А.С. Колесников, Н.П. Коновалова, В.М. Межуев, В.И. Михайленко, Г.Г. Почепцов, Е.П. Прохоров, В.П. Римский, А.М. Сергеев, А.В. Соколов, Т.З. Уразметов, С. И. Шарина и др. В современных философско-культурологических исследованиях диалога немаловажная роль отводится исследованиям таких ученых, как М.В. Алпатов, Л.Г. Андреев, Л.С. Васильев, В.В. Мартынова, Е.Г. Хилтухина. Взгляд на диалог как полипарадигмальный феномен предпринят в работах А.С.Ахиезера, А.А. Пелипенко, Э.В. Сайко, И.Г. Яковенко, в которых реализуется задача выявления сущности диалога как уникального инструмента общения и культурного вос-

производства. Свой вклад в развитие теории диалога внесли А.В. Ахутин, А.А.Брудный, Н.В. Кокшаров, К.Н. Любутин, Д.В.Пивоваров, Е.Н. Шапинская и др.

Взаимодействию *художественной литературы и философии*, некоторым его аспектам посвящены исследования таких авторов, как А.В. Гульга, А.Э. Еремеев, А.С. Колесников, В.И. Коровин, В.А. Кувакин, М.А. Маслин, Е.А. Маймин, Ю.В. Манн, Е.Д. Мелешко Г. Менде, С.Н. Никольский, А.И. Новиков, М.С. Розанова, И.Н. Сиземская, А.С. Стрельцов, Г.А Тиме, Т.В. Торубарова. Диалог философии и литературы в культурном пространстве и времени, особенно отчетливо проявившийся в романтизме, связан с современным осмыслением этого процесса как дискурсного феномена, который в современной науке и философии понимается как особая форма бытия культуры, смыслопорождающая культурно-коммуникативная деятельность, индуцированная ментальностью и идеологией той или иной эпохи и выраженная в образах, текстах, контекстах, концептах и знаково-символических формах. Мы опирались на работы по проблемам дискурса как зарубежных философов (Т. ван Дейк, Ж.Деррида, М. Димлер, К. Леви-Строс, Ч.У. Моррис, В.В. Мароши, П. Серио, Н. Фэркло, М. Фуко, Ю. Хабермас и др.), так и отечественных авторов (Н.Ф. Алефиренко, Б.М. Гаспаров, Г.Б. Гутнер, И.Т.Касавин, В.И. Карасик, Е.А. Кротков, М.Л. Макарова, А.П. Огурцов, Е.Ю. Прохоров, Ю.С. Степанов, и др.).

Однако, несмотря на то, что в современной философской литературе достаточно много внимания уделяется исследованию различных аспектов русской философии, специального исследования, посвященного анализу проблемы русского литературно-философского романтизма в контексте диалога в культурном пространстве Германии и России первой половины XIX века, до настоящего времени предпринято не было.

Исходя из всего вышесказанного, мы определили **объект исследования**: *культурное взаимодействие и диалог Германии и России в сфере философии и литературы первой половины XIX века.*

Предмет диссертационного исследования: *литературно-философский романтизм в диалоге культур Германии и России первой половины XIX века.*

Цель исследования: *выявить основные культурные контексты, концепты и рецепцию идей немецкой философии в русском литературно-философском романтизме первой половины XIX века.*

Для достижения поставленной в исследовании цели предполагается решение **следующих задач:**

– определить методологический потенциал концептов «диалог», «романтизм», «литературно-философский романтизм» в исследовании диалога культур Германии и России первой половины XIX века;

– дать философскую интерпретацию культурно-эстетической доминанты романтизма в общеевропейской культуре первой половины XIX века;

– выявить контекст восприятия немецкой классической философии в культуре России в связи с ее ролью в формировании русского литературно-философского романтизма;

– установить общую культурную и философско-методологическую основу формирования романтизма в Германии и России первой половины XIX века, определившую литературно-философскую и философско-антропологическую специфику русского романтизма;

– показать динамику становления своеобразия русского литературно-философского романтизма в контексте отечественной и европейской философии и культуры;

– раскрыть особенности формирования славянофильства и западничества как диалогического ответа на идеи немецкой классической философии;

– проанализировать роль немецкой классической философии в контексте формирования русского литературно-философского романтизма в жанрах критики;

– обнаружить реинтерпретацию идей немецкой философии в художественном контексте и творческих построениях русской романтической поэзии;

– интерпретировать русскую философскую прозу как результат культурного диалога с немецкой философской и литературной традицией.

Теоретико-методологические принципы исследования. Предметная область, реализация цели и задач предпринимаемого исследования потребовали использования определенной философско-методологической и историко-философской базы.

Исследование рецепции немецкой философско-литературной традиции конца XVIII – начала XIX века в русском литературно-философском дискурсе, интерпретация диалога двух великих культур потребовали применения как традиционных принципов и методов философии (историзма, диалектики логического и исторического, общего и особенного, конкретно-всеобщего, единства онтологического и гносеологического анализа, социально-исторической обусловленности сознания и культуры), так и новых методологических практик, разработанных в контексте теории и истории культуры, культурной семиотики, дискурс-анализа, социальной эпистемологии. Диалог философии и литературы предполагает сочетание диахронного и синхронного подходов, философско-культурологической концептуализации, рассматривающей романтизм как тип культурно-исторического сознания.

Использован также метод интегрального анализа истории русской философии, предполагающий ее исследование как «многообразия в единстве» (М.А.Маслин). Это обусловило, в свою очередь, обращение к методам историко-философского исследования (анализ и интерпретация первоисточников, их теоретическое осмысление, герменевтическая интерпретация текстов, биографическая реконструкция, сравнительная характеристика философских взглядов писателей и мыслителей).

Важной методологической составляющей диссертационного исследования является также источниковедческий принцип, базирующийся на целенаправленном подборе работ отечественных мыслителей, в которых их диалогические отношения с немецкой культурной традицией проявляются особенно четко. С этой целью мы обращаемся к творческому наследию таких

русских мыслителей, как Д.В. Веневитинов, И.В. Киреевский, П.Я. Чаадаев, Н.И. Надеждин, А.С. Хомяков, И.С. Аксаков, В.Г. Белинский, а также к произведениям русских поэтов и писателей (В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, поэты-любомудры, В.Ф. Одоевский, М.Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев и др.). Одновременно с представителями отечественной литературно-философской мысли в нашем исследовании анализируются и работы классиков немецкой философии и литературы: Г.В.Ф. Гегеля, Ф.В.Й. Шеллинга, И.Г. Фихте, А.Шлегеля, Ф. Шлегеля, Новалиса (Фридрих фон Харденберг), Л. Тика, В.Г.Вакенродера, Ф.Д.Э. Шлейермахера.

В связи с этим в работе использовался культурно-компаративный метод, который позволил сопоставить формообразования разного культурно-системного, социально-исторического и мировоззренческого порядка. Историко-литературный подход используется для анализа развития европейского и русского романтизма, который предполагает сочетание описательного, типологического и сравнительного методов исследования.

Научная новизна диссертации заключается в том, что реконструирован феномен культурного диалога между Германией и Россией и выявлено формирование в его контексте русского литературно-философского романтизма в его основных типологических формах (русской философской критики, поэзии и прозы). Это позволило диссертанту лично получить инновационные результаты:

– выделены основные категориальные смыслы концептов «диалог», «романтизм», «литературно-философский романтизм» в контексте европейской культуры и философии первой половины XIX века;

– дана философская интерпретация культурно-эстетической доминанты романтизма в общеевропейской культуре первой половины XIX века и определено его значение в диалоге культур России и Германии;

– проанализирована рецепция немецкой классической философии в русской культуре и её роль в формировании русского литературно-философского самосознания;

– выявлена общность культурной и философско-методологической основы формирования романтизма в России и Германии, а также литературно-философская и философско-антропологическая специфика русского романтизма;

– показана роль диалога культур как способа и формы становления и закрепления самобытного русского литературно-философского романтизма;

– раскрыты особенности концептуального формирования славянофильства и западничества как диалогического ответа немецкой классической философии;

– рассмотрен процесс становления русской литературно-философской критики в процессе русско-немецкого диалога культур;

– определена роль реинтерпретации философско-эстетических идей немецкой классической философии в литературно-философском творчестве русских поэтов-романтиков;

– русская философская проза исследована в качестве творческого результата культурного диалога с немецкой философской и литературной традицией.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В нашем исследовании *диалог* понимается как универсальный процесс взаимодействия субъектов межкультурной коммуникации в рамках определенного дискурса, направленного на развитие и реализацию смыслопорождающих оснований этого процесса, на саморазвитие его участников. Адекватным диалогическим пространством для диалога культур Германии и России в начале XIX века стал *романтизм* как специфический тип философско-эстетического и литературно-философского сознания, стиль литературно-художественного поведения, определяющий и особую форму самосознания личности. *Литературно-философский романтизм* есть сложный, исторически и культурно-идеологически обусловленный, коммуникативный мировоззренческий феномен, порождающий систему литературно-эстетических и литературно-философских текстов и контекстов, обладающих связанно-

стью и целесообразностью, в которых соединены принципы художественно-образного (нарративного) и философско-рефлексивного познания и осмысления мира и человека в различных языковых, творческих и коммуникативных практиках.

2. Европейский романтизм, возникший в эпоху переходности от эпохи Просвещения к зрелому Модерну и выступающий рефлексией утраты личностью оснований собственного бытия, органически связан с идеями немецкой классики. В этот период создаются новые формы философского осмысления мира, природы, Бога, где главной отличительной чертой является стремление личности к обретению своей свободы, а также проявление особого интереса к духовной истории человечества. У русского и европейского романтизма общим культурным и методологическим основанием выступает *концепция жизни*, включающая в себя возвеличивание духовного, исследование внутреннего мира человека и его бытия, а также возможности выражения и фантазии художника в представлении свободной человеческой сущности. Характерными чертами литературно-философского мировоззрения романтизма являются *диалогичность, диалектичность, фрагментарность, мифологичность, религиозность, мистицизм, нарративность и антропологизм*.

3. На основании анализа рецепции немецкой классической философии в университетской, духовно-академической и «вольной» философской мысли России и исходя из контекста эпохи, можно выделить *три разновидности диалога*, складывающегося в русской культуре начала XIX века: это *философско-богословский диалог*, проходивший в стенах духовных академий; *диалог-заимствование в университетской среде*, характеризующийся наибольшим влиянием немецких идей и *свободный диалог равноправных участников* в «вольной» (кружково-салонной) философии. В ходе данных диалогических практик – при *доминировании свободного диалога* – складываются *три типа отечественного романтизма* в их особом сочетании: литературно-философский романтизм критики и публицистики, философское творчество поэтов-романтиков и русская философская проза.

4. Культурный контекст переходной эпохи конкретизировал специфику русского романтизма, который не порывал полностью с европейским Просвещением, как демонстрировали немецкие романтики, но создавал предпосылки *идеализации христианства* и возможности нового прочтения и осмысления философских идей при помощи религиозно-поэтического языка. Специфика русского романтизма проявилась в дискуссии славянофилов и западников о судьбе России и её предназначении. Проблема личности, преодоление её отчужденности и освобождения в немецком и русском романтизме решалась по-разному: немецкие романтики уходили в мир прошлого, фантазий, иллюзий, мечты; русские романтики предложили в решении этой проблемы два варианта: *революционный* (обретение социальной, политической и творческой свободы человека) и *религиозный*, в духе общинности и соборности (обретение человеком веры в Бога, благодати и нравственной свободы).

5. Русский литературно-философский романтизм породил собственные и рентерпретировал общеевропейские концепты и смыслообразы, наполненные глубокими экзистенциальными смыслами («верующий разум», «цельность духа», «святой философ», национальный дух, национальное мировоззрение, жизнь и смерть, свободное творчество, роль художника в действительной жизни, «герой» и «толпа», соотношение «красоты», «истины» и «добра» и т.п.), благодаря чему складывалось новое национальное мировоззрение. Особенностью формирования самобытного *русского философского языка и самосознания* являлся тот факт, что отечественные писатели все кардинальные метафизические проблемы и вопросы решали *художественными средствами* в форме литературных образов, символов, концептов и нарративов, создавая письма, литературные статьи, философскую публицистику и эссеистику, стихотворные философемы и философскую прозу.

6. Обращение к Западу как «своему другому» способствовало появлению двух различных решений вопросов о судьбах России и её месте в мире — это славянофилы и западники, которые выразили своеобразную «внутреннюю диалогичность» русской культуры. В качестве концептуальной оппози-

ции доктринам немецкой классической философии славянофилы в основу своего философского самосознания положили идею «святоотеческого православия» и «соборности», что и наделяло создаваемые ими тексты новыми смыслами, отвечающими определенному контексту эпохи (например, «положительная философия», «цельное знание», «живая вера» и т.п.). Полифонический и критический диалог между славянофилами и западниками в рамках формирующегося литературно-философского и культурно-национального самосознания разворачивается во времени собственной исторической традиции в виде «разговора», «диалога» со своим прошлым – это «единство и борьба противоположностей» в едином культурно-цивилизационном пространстве России.

7. В результате творческого диалогического переосмысления немецкой классической философии русские мыслители пришли к идее первостепенного развития критики по отношению к поэзии, в отличие от немецкой критики, которая возникала на основе поэзии и прозы. В русской литературно-философской критике романтизма проявились новые концепты, смыслы которых были выражены в идеях *самобытности, народности, роли художника в обществе, историческом развитии искусства, формировании вкуса публики*; произведение искусства характеризовалось при определении его художественной значимости сквозь призму философских смыслов, социальная функция искусства вела к выявлению исторических ориентиров, восприятие его читателем – к формированию нравственных ценностей. Русская литература, философия и критика – единый, неразрывный культурный метатекст, способствующий формированию целостного национального мировоззрения и самосознания.

8. В литературно-философском творчестве поэтов-романтиков в результате реинтерпретации идей немецкой философии формируются концепты, выраженные в поэтических текстах (концепты «природа», «мир», «человек», «свобода», «жизнь», «смерть» и др.) и в отечественных контекстах, существенно отличных от немецких творческих парадигм. Понятийно-образное

содержание текстов русских поэтов-романтиков воплощено в бинарных смыслообразах, каждый из которых являлся «своим другим»: бытие – небытие, бытие – хаос, природа – человек, жизнь – смерть, день – ночь. Поэтическое творчество и философская рефлексия – единое целое, связанное концептом двоимирия, пантеистическим мироощущением, пониманием места человека в космосе и т.п. Литературно-философское творчество русской романтической поэзии использовало метафоры, метонимии, гиперболы, аллегории, олицетворения, перифразы, ритм, что давало возможность в коротком тексте выразить глубокие мировоззренческие и философские смыслы при помощи *чувства-идеи, чувства-мысли, идеи-переживания, идеи-поэмы*.

9. Общественно-политические и культурно-идеологические контексты «постдекабристской эпохи» способствовали формированию *философской прозы романтизма*, основными жанрами которого являются философский роман, философская сказка, философская новелла, философское эссе и философская повесть, а также переходные формы – притчи, басни, сатиры, лирико-философской миниатюры. Отличительными чертами философской прозы являются рефлексивный характер сознания автора или повествователя, его особая философическая образность, стремление писателя выразить при помощи художественного вымысла собственные принципы мышления и отношение к миру и бытию, к объекту изображения, нравственная оценка образов и событий, использование принципа дедуктивности. Литературно-философское творчество русских прозаиков становится *способом отечественного философствования, приводящим к стиранию границ между философией и литературой*.

Теоретическая и научно-практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут способствовать дальнейшему развитию ряда тем отечественной философии, литературы, культурологии, искусствоведения, дополняют общую картину становления и функционирования отечественной философии, дают возможность по-новому интерпретировать

многие тексты русской философии и литературы, историю продуктивного диалога России и Европы.

Теоретическая и практическая значимость диссертации определяется ещё и тем, что она не только расширяет методологические возможности изучения историко-философского и культурного наследия, но и открывает горизонты его использования в патриотическом и духовно-нравственном воспитании.

Результаты диссертации могут быть использованы в разработке научных философских, культурологических и филологических программ и проектов, в учебных курсах по истории русской и европейской философии, философии культуры и философской антропологии, по истории и теории отечественной и мировой культуры.

Апробация диссертации. Положения и выводы диссертационного исследования получили апробацию в научных докладах и выступлениях на Международной научной конференции «Современная социально-философская культура: проблемы рационального и иррационального» (Белгород, 2002); X Харьковских международных Сковородиновских чтениях (Харьков, 2003); Международной научной конференции «Творческое наследие Н.Н. Страбова и социально-гуманитарная мысль» (Белгород, 2004); XI Харьковских международных Сковородиновских чтениях (Харьков, 2004); Региональной научной конференции «Культурно-цивилизационные особенности развития современного российского общества» (Белгород, 2004); Международном философском конгрессе (Москва, 2005); Международной научной конференции «Культурно-цивилизационные основы развития современного российского общества в условиях глобализации» (Белгород, 2006); Международной научной конференции «Человек в изменяющейся России: философские и дисциплинарные парадигмы» (Белгород, 2006); II Международной научной конференции памяти С.Н. Булгакова «Философские, культурологические и социально-исторические проблемы общественных наук» (Орел, 2008); Международной научно-практической конференции «Хояковские

чтения. Новые исследования в области религиозной и нравственной философии А.С. Хомякова» (Тула, 2008); III Международной научной конференции памяти С.Н. Булгакова «Философские, культурологические и социально-исторические проблемы общественных наук» (Орел, 2009); Международной научной конференции «Н.Н. Страхов и русская культура XIX-XX века: к 180-летию со дня рождения» (Белгород, 2008); Международной научной конференции ИФ РАН «Проблемы Российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационное начало» (Москва – Белгород, 2010) и др.

Положения и выводы диссертации были использованы при чтении курсов лекций по философии, эстетике, спецкурса «Философия русского романтизма» для студентов философского отделения социально-теологического факультета НИУ «БелГУ», в научном руководстве аспирантами. По теме диссертации опубликовано 53 научные работы, в том числе одна монография и 14 статей в изданиях, рекомендованных ВАК РФ. Диссертационная работа была обсуждена на кафедре философии НИУ «БелГУ» и рекомендована к защите.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав по три параграфа, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы, характеризуется степень научной разработанности проблемы, определяются цель, задачи, объект и предмет исследования, теоретико-методологическая основа, раскрывается научная новизна, формулируются положения, выносимые на защиту, отражается апробация результатов диссертационного изыскания.

Первая глава «Рецепция немецкой философии в русской культуре первой половины XIX века» посвящена анализу концептов «диалог», «романтизм», «русский литературно-философский романтизм» в исследовании диалога культур России и Германии. В связи с этим выявляются предпосылки диалога немецкой и русской культур, который выразился на этом этапе в

виде рецепции немецкой классической философии в русском общественном сознании и литературно-философском творчестве.

В первом параграфе *«Литература и философия в диалоге культур: к методологии исследования»* рассматривается проблема специфики литературно-философского романтизма, анализируется взаимодействие литературы и философии, которое в рамках романтизма имеет сложную контекстную и концептную картину. Литература и философия ведут диалог, прежде всего, в дискурсных формах (концептах, текстах и контекстах, широких культурных коммуникациях), действуя по принципу взаимного дополнения. Этот диалог является источником саморазвития как литературы, так и философии, и, в конечном итоге, русской культуры. Философия, выполняющая роль мировоззрения, оказывает воздействие на литературу и искусство, делая их более интеллектуальными. Но и философский текст, участвующий в этом диалоге, стремится к литературно-поэтическому выражению, философия соединяется с художественными формами слова, чтобы глубже и разнообразнее осмыслить бытие человека, его внутренний мир.

Любые культурно-коммуникативные практики являются диалогом культур в самом широком смысле слова. Поэтому литературно-философский дискурс по своей природе диалогичен, является формой диалога культур и культурного диалога, так как в него вовлечены концепты и идеи, высказывания и тексты, оказывающие как непосредственное, так и опосредованное, контекстуальное воздействие. Философские и литературные концепты всегда связаны с текстами и контекстами определенной исторической эпохи, а также с людьми, эти тексты создающими. И литераторы, и философы обращаются к образам как конкретным представлениям в их чувственном обличии, к так называемым смыслообразам (время, мир, хаос, вечность, смерть, бытие, ночь, день и т.п.), в которых соединяются чувственность и абстрактность, схватывание и овладение реальностью предметного мира. У каждого автора придание этому миру экзистенциального смысла уникально и неповторимо.

В свою очередь, понимание смысла, его интерпретация связаны с переводом высказывания на иной язык, то есть с его перекодировкой, с творческим овладением текстом или произведением. Поэтому интерпретация и переинтерпретация текстов часто привносят некие экзистенциальные смыслы. Смысл – это не только то, что вложил в него автор текста, но и то, что из него извлек толкователь. Следовательно, важно учитывать контексты, в которых создавались эти смыслы, и в которых они читались и толковались. Произведения, включенные в контексты и культурно-коммуникативные практики, то есть в определенные дискурсы, содержат в себе множество смыслов. Благодаря этому они оказываются способными видоизменяться, обогащаться в различных контекстах восприятия. Смыслопорождающее пространство дискурса зависит не только от смыслов литературно-философских текстов, но и от культурных и экзистенциальных, антропологических контекстов.

Автор отмечает, что в первой половине XIX века Россия энергично осваивала европейский философско-теоретический и практический опыт, сложную пореволюционную действительность, а также осмысливала собственную, что и определило ее обращение к немецкой философии. В этой ситуации литература начинает выполнять широкие теоретические и практические функции в обществе. Именно романтизм на основе решения проблемы человека способствовал сближению философских идей и художественных образов, философа и художника, а последнего побуждал философствовать. Прямые и косвенные литературно-философские и культурно-диалогические отношения способствуют духовному единению и консолидации нации. Разнообразные по форме философские сочинения как теоретические, так и поэтические в равной мере отвечают на запросы жизни и отражают главные национальные потребности, среди которых основной является – освобождение человека, раскрепощение личности. Диалог философии и литературы порождает в переломную историческую эпоху литературно-философский романтизм, который оказывает существенное влияние на развитие всей культуры.

В рамках взаимодействия культур Германии и России начала XIX века выявляется роль диалога культур, способствующего формированию литературно-философского романтизма, который в свою очередь обогащал и раздвигал рамки этого диалога. Романтизм связывал в коммуникативных практиках различные стороны бытия людей, и, в свою очередь, давал возможность для плодотворного диалогического общения, способствующего преодолению духовной разобщенности и выработке адекватного осмысления самих себя. Диалог культур в формах романтизма, который понимается как одно из важнейших звеньев в культурно-историческом развитии человечества, явился особым типом философского осмысления мира, эстетического сознания и литературно-художественного поведения, формой самосознания личности. Поэтому для анализа философско-литературных текстов романтиков важно понимать контекст, в котором создавались эти произведения, и, еще шире – дискурсные, культурно-коммуникативные практики. В диссертации отмечается, что литературно- философские концепты в текстах романтиков как немецких, так и русских, создавались в определенных социокультурных контекстах, которые играли огромную роль в интерпретации этих текстов. Другими словами, любое высказывание или текст вне контекста приобретали у них абстрактный характер, а благодаря интерпретации в определенной системе мнений и знаний о мире, они становились конкретными, принимали определенный смысл.

В русской культуре на основе осмысления определенных литературно-философских текстов немецких литераторов и философов идет их своеобразная переинтерпретация и репрезентация, создание «вторичных текстов» (например, тексты Любомира, русских романтиков). На основании этого дискурсного диалога культур один текст может выступать контекстом другого, а также придавать смысл тексту и окружающему миру. Это является общим и для литературного, и для философского дискурсов, так как понимание сути предметов, и в целом мира, связано с интуитивным их постижением и интерпретацией, где интуитивное знание переоформляется в рациональное.

Во втором параграфе «Философско-эстетическая доминанта романтизма в общеевропейской культуре первой половины XIX века» анализируется понятие романтизма и его роль в становлении и развитии общеевропейской культуры. В диссертации отмечается, что романтизм как общественно-культурное движение начала XIX века охватывает и литературу, и философию, и музыку, и религию, и естествознание, и живопись, и архитектуру. Романтическая литература, философия, музыка, живопись открыли богатство внутреннего мира человека, надолго определили пути развития мировой культуры. Поэтому вполне оправдано рассмотрение романтизма как целостного культурного явления времени, как общеевропейского философского порыва, как эстетической и художественной доминанты эпохи. Мы также считаем, что романтизм необходимо рассматривать в рамках социокультурных, культурно-коммуникативных, экзистенциальных и других контекстов эпохи, порождающих новые смыслы в теоретических, философских построениях и художественной практике романтиков. Такой подход позволяет рассматривать романтизм как исторически закономерный и неизбежный этап на путях художественного развития человечества.

Идеология эпохи, связанная с разочарованием в просвещенческих идеалах и Французской революции, породила новые смыслы, отражающиеся в текстах романтиков и обладающие концептуальностью, новым духовно-практическим освоением мира, где с особым вниманием рассматривается отдельная личность, её внутренний мир. Мировоззрение романтиков, представлявшее целую эпоху культурной жизни, положило начало не только романтической традиции в искусстве, но и особому способу философствования. Другими словами, философская среда романтизма, связанная с идеями немецкой классики создавала новый контекст философского осмысления, основанного на особом художественном способе осмысления мира, природы, где главной отличительной чертой является стремление личности к обретению своей свободы, а также особым интересом к духовной истории человечества.

В культурно-коммуникативных практиках, в философско-эстетических текстах романтиков на первое место выходит не объект, а человек (субъект, личность). Опора делается на возможности творческого сознания человека, его стремление опередить конкретно-историческое развитие мира и представить свои идеалы как единственно достойные личности. Романтики сосредотачивают внимание на внутренней душевной жизни человека. Подобная система смыслов, связанных с культурной ментальностью и определенной идеологией эпохи, предполагает формирование новой, антропологически ориентированной философии, которая в социокультурном контексте по всем своим основным проблемам является оппозицией классическому рационализму. Она ставит своей целью заглянуть в экзистенциальный мир страдающего, переживающего, рефлектирующего и постоянно ищущего смысл жизни человека.

Такая философия является не только эмоциональной реакцией, но и осмыслением философских проблем человека через призму его субъективных переживаний. Она чутко реагирует на те социально-психологические и экзистенциальные контексты времени, которые были характерны для романтизма. Все идеи и переживания эпохи, духовную свободу и эмоциональную внутреннюю жизнь личности эта философия пытается отстоять в борьбе с рационалистическими и позитивистскими тенденциями времени. Романтики по-своему пытались диалектически взглянуть на мир, понять законы, лежащие в основе его развития. Этот мир романтики воспринимали как «художественный организм», как художественное произведение. Постичь этот мир можно было только при помощи интеллектуальной интуиции. Романтический литературно-философский дискурс как синтетическая система взглядов по философским, эстетическим, этическим проблемам, порождая новые смыслы, выражающиеся в концептах «ирония», «воображение», «универсум», «свобода» сконцентрировал все проблемы вокруг самоценной личности. Романтики заменили Разум воображением, истолковав его, как духовную и интеллектуальную силу.

Эпоха романтизма способствовала формированию национальных культур многих народов. Последовательно развиваясь во многих странах Европы,

романтизм повсюду приобретал яркую национальную окраску, обусловленную конкретными историческими условиями и культурными традициями. В литературно-философском творчестве романтиков индивидуальное, национальное, социальное резко разграничивались, при этом акцент делался на национальном «духе», «индивидуальности» наций. В таком разграничении большую роль играли социокультурные, ментальные и идеологические контексты различных европейских стран, но общие социокультурные контексты эпохи, накладываясь на них, рождали неповторимые разновидности национальных романтизмов.

В *третьем параграфе «Немецкая философия и формирование русского литературно-философского романтизма первой половины XIX века»* выделяется созидательная роль немецкой классической философии в русской культуре. Разумеется, на русскую философскую культуру в конце XVIII и начале XIX веков большое влияние оказывала вся европейская культура: английская, французская, но преобладающим влиянием обладала немецкая философско-эстетическая культура. В данном случае мы имеем в виду не прямое влияние и заимствование философской культуры, а специфический характер русской культуры, её способность воспринимать, перерабатывать те идеи и направления немецкой мысли, в которых она нуждалась в тот или иной период своего развития. Немецкая философская культура на протяжении нескольких столетий была одной из самых развитых, она отличалась высоким теоретическим уровнем.

В диссертации отмечается, что судьбы философских учений этих мыслителей в России были разными. Так, интерес к Канту отмечался в конце XVIII – начале XIX века, в первые десятилетия XIX века получили распространение идеи Шеллинга и отчасти Фихте. Сороковые годы были отмечены влиянием учения Гегеля. Несмотря на сложный отечественный социокультурный контекст немецкая философия получала все большее распространение в России. В диссертации подвергается анализу рецепция русской культурой философских идей Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля. В духовно-

академической среде И.М. Скворцов и С.С. Гогоцкий, в целом положительно оценивая философские идеи Канта, призывали критически к ним относиться. Другие представители духовно-академической элиты были настроены весьма воинственно против философии Канта как якобы «безбожной». В университетской среде к философии Канта также относились по-разному. Например, ректоры Харьковского университета Т.Ф. Осиповский и Казанского университета Н.И. Лобачевский полемизировали с Кантом по вопросам априоризма и понимания пространства и времени как субъективных форм созерцания. Ректор Виленского университета и член-корреспондент Петербургской академии наук Ян Снядецкий резко критиковал кантову философию, называя её «набором странных мыслей». Но были и последователи кантовой философии, особенно в Дерптском университете: физик Г.-Ф. Парот, И.В. Краузе, Ф.Д. Ленц, И.К. Моргенштерн и др. Но в целом, преобладало критическое отношение. Так, А.И. Галич, один из любимых преподавателей А.С. Пушкина, оценивал его философию как сложную и порой противоречащую здравому смыслу.

А.С. Пушкин был не только хорошо знаком с взглядами известных европейских философов, но и внутренне воспринимал те из них, которые наиболее согласовывались с его пониманием жизни. В оде «Вольность» основной темой была тема свободы, которая пройдет красной нитью через все творчество великого русского поэта. Кроме идеи свободы в творчестве Пушкина, «любомудров» находят отражение идеи Канта об искусстве и поэзии, о «проблеме вечного мира», о рабстве, о нравственной природе человека и т.д.

Немалый интерес вызывала и философия Фихте. В диссертации судьба философских идей Фихте рассматривается в диалогическом контексте духовно-академической, университетской и «вольной» философии в России. Центром русского фихтеанства был Харьковский университет. Ряд работ профессора этого университета И.Б. Шада получил широкий резонанс в духовно-академической среде, хотя здесь в целом преобладало весьма критическое отношение к философии Фихте (И.М. Скворцов, Ф.А. Голубинский и

др.). Университетская элита также демонстрировала неоднозначное отношение к философии Фихте. Из русских мыслителей первыми, обратившими внимание на философию Фихте, были московский профессор И.И. Давыдов и профессор Петербургского университета А.И. Галич, которые достаточно высоко оценивали самого Фихте, характеризуя его как человека необычайной силы и пронизательности духа, а его «Наукоучение» как самостоятельную систему познания.

Не обошли своим вниманием философию Фихте и представители так называемой неакадемической философии. Прежде всего, это относится к представителям русской литературно-эстетической мысли: писателям-романтикам, любу мудрам, славянофилам и революционерам-демократам: декабристу М.А. Фонвизину, А.И. Тургеневу, М.П. Погодину, А.С. Хомякову, И.В. Киреевскому, В.Ф. Одоевскому и др. Популяризатором некоторых идей Фихте был Н.И. Надеждин. Особый интерес к философии Фихте проявил П.Я. Чаадаев, который в своих размышлениях сумел наиболее адекватно показать смысл, суть всей системы его философии и не сводил весь анализ её только к субъективному идеализму.

Формирование литературно-философского романтизма в России происходило под большим влиянием философии Шеллинга. Духовно-академическую среду больше интересовал трансцендентальный идеализм и философия откровения Шеллинга, рассмотренные с точки зрения православия, но и в этой части рецепция идей была весьма сдержанной. Этого нельзя сказать об отношении к Шеллингу неакадемической, «вольной» философии, которое характеризуется тем, что в ней ценностное преобладает над познавательным, та или иная философская система или идея привлекается для обоснования социально-политических, философско-исторических и нравственных идеалов. Представители «вольной» философии более всего в Шеллинге ценили не систематика-философа, а вдохновенного поэта-мыслителя, творца художественных идей и философских смыслообразов. Эта особенность личности философа и его системы привлекала к себе будущих писателей, крити-

ков, переводчиков, теоретиков русской литературы. В университетской среде философия Шеллинга также приобретает своих поклонников: многие профессора-естественники, не порывая с религиозным мировоззрением, стремились к широким философским концептуализациям в духе шеллингианского идеализма.

Русская культурная элита оказалась весьма восприимчива к новым идеям философии Шеллинга, так как они отвечали её внутренним потребностям и устремлениям. Конец 30-х и начало 40-х годов XIX века характеризуются возникновением славянофильского и западнического крыла в русской культуре. Особенно важны и востребованы были идеи Шеллинга в становлении и развитии славянофильства, хотя и западники не были лишены влияния романтической философии Шеллинга.

Такая многоаспектность философии Шеллинга вела к тому, что его последователи могли быть и богословами, и натурфилософами, и эстетиками, и идеалистами, и диалектиками, и даже феноменологами, но идти своим непротиворечивым путем, усваивая и перерабатывая его идеи. Главной особенностью рецепции философских идей немецкого мыслителя является не слепое подражание или копирование, а сознательный выбор тех или иных идей шеллингианской философии, их интерпретация в соответствии с собственным мировосприятием, с собственными философско-мировоззренческими ориентациями.

Для нас важен и тот факт, что в 40-х годах XIX века в России проявляется все больший интерес и к философии Гегеля, оказавшей влияние на русских западников. Из представителей духовно-академического философствования можно выделить С.С. Гогоцкого, который хорошо ориентировался в системе гегелевского абсолютного идеализма и в истории философии. В целом, и представители духовно-академического философствования, и представители славянофильства развивали свое отношение к философии Гегеля в рамках эстетической, прежде всего, христианской или, другими словами, «религиозной парадигмы».

На этой сложной культурно-диалогической почве в России сформировалась романтическая эстетика, которая подвергала критике эстетику классицизма. Представители романтической эстетики разработали свое понимание отношения искусства к природе, разработали теорию идеала, художественного обобщения, теорию художественного образа. Романтики претендовали на создание нового мировоззрения, новой философии, составным элементом которой была бы эстетика.

В диссертации отмечается, что предпринятый анализ рецепции, переинтерпретации и репрезентации немецкой философии в России говорит о том, что создаётся некий интеллектуальный и духовный контекст, в котором формируется мировоззрение русских философов, писателей, поэтов и литературных критиков. Немаловажное значение в этом процессе, принадлежало и личному опыту, личным связям (антропологический аспект культурных коммуникаций). Диалог между немецкой философией и русской литературой, немецкой и русской культурной элитой формировал общественно-политические, историко-литературные, философско-литературные приоритеты отечественной творчески мыслящей интеллигенции. В этом культурно-диалогическом контексте и возник русский литературно-философский романтизм.

Во *второй главе* «Культурно-исторические особенности русского литературно-философского романтизма в диалоге культур начала XIX века» рассматриваются особенности культурного развития России в начале XIX века и роль писателей-романтиков в процессе формирования отечественной философской традиции. Поиски русского философского самосознания привели мыслящую элиту России к духовной оппозиции тотальным влияниям немецкой философии. Данная оппозиционность вылилась в создание идейных платформ славянофилов и западников. Диалог между ними был полифоничным, конструктивным, в результате чего создавался благоприятный контекст развития всей отечественной культуры.

В *первом параграфе* второй главы «Литературно-философская и философско-антропологическая специфика русского романтизма» рассмат-

риваются различные подходы в исследовании русского романтизма, а также отмечается, что романтизм – это одно из важнейших звеньев в культурно-историческом развитии человечества.

На своеобразие русского романтизма повлияли как минимум два исторических контекста – это освободительная война 1812 г. и декабристское восстание 1825 г. Эти важнейшие события в русской культуре способствовали народному единению, патриотическому подъему. Романтики обращаются к старинной литературе и фольклору, в которых проявляется самобытность и народность нашей культуры. Вместе с тем, интерес к собственному народу и его прошлому у романтиков сливается с интересом к истории и прошлому других народов. Без идеи народности в романтическом её понимании невозможно было бы представить ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Гоголя, ни славнофилов, ни западников, ни Тютчева, ни Достоевского.

Романтический взгляд на мир характеризуется, прежде всего, противопоставлением действительности и мечты, того, что есть и того, что возможно. Они провозглашают бинарную оппозицию «мечта – действительность», которая становится важнейшим эстетическим принципом, характеристикой романтического искусства. Стремление к отрицанию действительности сказалось и на формировании философских концептов и представлениях романтиков. Разочарование в возможностях разума породило антирационалистические тенденции. Романтики или уходили в себя, создавая заново свой внутренний мир мечты и поэзии – и тогда рождался романтизм Жуковского, близкий Новалису и Вакенродеру, или, не имея возможности изменить реальность, бунтовали против современного общества и выдвигали на первый план свободную и героическую личность (поэты-декабристы, Лермонтов). Это способствовало тому, что романтизм, формулируя свои концепты, явился главным критерием философизации искусства и литературы, что и предопределило тот факт, что русская литература, творчески переинтерпретировав немецкую философию и литературу, явилась своеобразным ответом на экспансию немецкой философии в России.

Обращение к истории, её мифологизация способствовали тому, что основы национальной культуры, её источники трактовались в романтическом ключе. В целом, романтики относились к истории достаточно свободно. Они весьма поэтично в соответствии со своими эстетическими принципами трактовали исторические факты, облекая их в форму преданий, сказок. Романтическое отрицание разума, действительности, создавало культ поэта, поэзии в целом, так как поэтическое чувство для них выступало средством познания истины. Соответственно, и роль поэта приобретала совсем иной смысл в таких условиях. Призвание поэта и художника они видели в служении великим идеалам. Поэт – это и философ, и ученый, и провидец, и пророк. Поэтому характерной особенностью романтического сознания является преклонение перед искусством, поэзией, личностью поэта-творца.

Веневитинов, Шевырев, Пушкин, Кюхельбекер, Боратынский и Тютчев (представители так называемой «поэзии мысли») обращались и переосмысливали наследие славянской архаики, порой «романтизировали» и идеализировали христианство. Особенностью литературно-художественного творчества русских романтиков является новое прочтение и осмысление старых идей при помощи религиозно-поэтического языка, что и отличало их философско-эстетический язык от рационально-философского дискурса немецкой классики. Культурно-исторические особенности русского литературно-философского романтизма предопределялись тем культурным контекстом эпохи, который сложился в России к началу XIX века. Духовные поиски русской литературы в творчестве раннего Пушкина, Гоголя и Лермонтова, романтиков и Тютчева способствовали формированию нового «философичного» подхода в рассмотрении свободной личности.

Во втором параграфе *«Романтизм и становление самобытного русского литературно-философского языка»* рассматривается духовный контекст, сложившийся в России в 20-30-е годы XIX века, когда постепенно начинает складываться национальная традиция, в результате чего появляется возможность формирования оригинальной русской философии.

Таким основанием, на наш взгляд, и стал русский литературно-философский романтизм, в рамках которого происходит осмысление «нас самих», «нашего места в мире» П.Я. Чаадаевым, И.В. Киреевским, А.С. Хомяковым, А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем и др. Каждый из этих мыслителей внес свою лепту в формирование оригинальной, «самобытной» русской философии. Оригинальность русской философии, на наш взгляд, заключается в её диалоге, связи и взаимодействии с другими национальными философскими системами, что приводит не только к заимствованию идей и концептов, но и к отличию от них, что способствующей приращению нового, более глубокого и конкретного философского знания и смыслового культурного поля.

Русский литературно-философский романтизм впервые и породил новые философские смыслы, выраженные в концептах и представленные в поэтических и прозаических текстах отечественных писателей и поэтов, в которых и формируется новое культурное мировоззрение и национальное самосознание, что нисколько не принижает роли «невербальной мысли» (М.Н.Громов) православной традиции или «русского просвещения» XVIII века в формировании нашей философской традиции. Отличительной чертой формирования самобытного философского самосознания и языка отечественного романтизма являлся тот факт, что русские писатели и поэты все философские проблемы, кардинальные мировоззренческие вопросы решали в своих литературно-критических статьях, письмах, философской публицистике, поэзии и прозе художественными средствами, в образно-нарративной форме.

В литературно-философском диалоге России идеи «любомудров» о создании собственной национальной философии в определенный момент были подхвачены Чаадаевым. Благодаря его духовным поискам на первый план выдвинулись две основные линии, сыгравшие главную роль в формировании философии славянофилов и западников: первая линия «Чаадаев – Хомяков – Киреевский», вторая – «Чаадаев – Белинский – Герцен – Чернышевский». Писатели и философы одновременно обратились к собственной истории, к

судьбе России, что свидетельствует о начавшемся процессе самосознания, самоидентификации. Но этот процесс был во многом возможен в рамках диалога культур России и Германии.

Немецкая философия привлекала русских мыслителей, прежде всего, тем, что она способствовала поискам целостного подхода к природным и общественным явлениям в своей натурфилософской части, своим вниманием к человеку, его мышлению и разуму, к осознанию роли личности в обществе и истории. Она также давала возможность, используя диалектический метод, анализировать саму российскую действительность и, в конечном счете, наводила на мысль о необходимости «действования» (Герцен) теоретических положений.

Вместе с тем, некоторые идеи немецкой философии совсем не удовлетворяли молодое поколение русских мыслителей, в частности, тезис немецкого идеализма о приоритете «чистого мышления» оказался в противоречии с социальной направленностью их теоретических поисков. К тому же отдельно взятые философские положения и формулы, вполне пригодные для объяснения развития западноевропейской культурной традиции, совсем не вписывались в российскую действительность и русскую литературу. Поэтому многие передовые убеждения формировались в ожесточенных спорах в различных литературных и философских кружках, на страницах журналов и альманахов, а не в тиши кабинетов.

Ярким показателем этого процесса можно назвать творчество русских романтиков во главе с Жуковским и Пушкиным. Освоив идеи йенского романтизма, раннеромантической эстетики, они пошли дальше, представляя в своих произведениях собственное понимание сквозных проблем раннего романтизма. В таких культурно-коммуникативных практиках и социокультурных контекстах формировалось и творчество И.В. Киреевского. Его идеи послужили началом становления самобытного философского дискурса, особенностью которого явилась русская «образованность», как результат проникновения плодов западной цивилизации в русскую культуру, в рефлексии на фи-

лософские, моральные, религиозные проблемы, в понимании им народности как источника развития отечественной культуры, а также обращение к духовной философии Святых Отцов. В становящемся философском языке Киреевский формулирует вполне оригинальные концепты («верующее мышление», «верующий разум», «цельность духа») и наделяет их определенными смыслами, сыгравшими важную роль в формировании славянофильской философии.

В *третьем параграфе «Славянофильство и западничество: концептуальная оппозиция доктринам немецкой классической философии»* анализируются теоретические поиски романтиков, связанные с философским осмыслением действительности, с осознанием собственной самобытности, с пониманием уникальности своих культурных задач и социальных условий.

Благодаря романтизму, как культурному явлению, появляется возможность осознать свои народные корни, свою историю, многовековые традиции. Русские романтики, в рядах которых были и будущие славянофилы и западники, считали вполне возможным осуществление их идеалов, но для этого необходимо создать свою национальную культуру, литературу, отойти от подражательности Западу. Философское «пробуждение» проходило в болезненном процессе национального и исторического «самонахождения».

Чаадаев сформулировал антитезу «Россия – Запад» и показал, чем же отличается, на его взгляд, развитие России от развития Запада, предложил идею о том, что русские могут строить свое будущее, используя исторический опыт народов Европы, и могут избежать их ошибок, повинувшись голосу просвещенного разума и сознательной воли. Его выводы явились концентрированным выражением формирующегося национального самосознания, а также тех процессов, которые происходили в русской культуре и связывались, прежде всего, с разделением общества на приверженцев разума и сторонников веры, на защитников индивидуальности и сторонников общинности, на проповедников гражданской жизни и жизни в народе. Этот «внешний» диалог с западной культурой носил еще опосредованный, подчиненный

характер, можно сказать, что русская культура прошла «обучение» у Запада и, приобретая свое самосознание, задумалась над собственными, интересующими её вопросами.

Именно высшие нравственные ценности, которые вырабатывались в этом диалоге славянофилов и западников, соответствовали умонастроению представителей русской культуры и литературы, чье творчество было одухотворено христианскими традициями. В этом диалоге их усилия направлялись не на уничтожение друг друга, а способствовали взаимному духовному обогащению. Так, в творчестве Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тютчева и других ярчайших представителей русской литературы первой половины XIX века можно выделить общую со славянофилами методологию освещения как коренных вопросов бытия, так и различных явлений жизни. В их философско-литературном творчестве, связанном с духовно-эстетическими исканиями, разорванностью русской жизни, выражался менталитет русской культуры.

В качестве концептуальной оппозиции концепциям немецкой классической философии славянофилы положили в основу своего философствования *идею православия, в контексте которой они и создавали свои тексты*, наделяя их новыми смыслами, которые отвечали определенному «духу» эпохи. Подвергая критике рационализм и индивидуализм в рамках литературно-философского дискурса, славянофилы разработали концепцию «соборности», которая предстает у них как общность людей, объединенных верой в православные ценности, которые гарантируют духовную ценность личности, свободу каждого и единство всех членов общества.

Культурный диалог между славянофилами и западниками, славянофилами и представителями «официальной народности», а также другими течениями общественной мысли России 40-50-х годов XIX века может быть назван *полифоническим диалогом*, в котором создается благоприятная почва для дальнейшего развития русской культуры. В её недрах формируется цельная, законченная историко-философская и социально-политическая доктрина. Славянофильская концепция представляет собой первый опыт создания русского общественного самосознания, становления его самобытных основ.

Диалог между славянофилами и западниками, славянофилами и представителями «официальной народности» – это и внутрикультурный (синхронный) диалог, и горизонтально-исторический (диахронный) диалог, разворачивающийся во времени собственной культурно-исторической традиции в виде «разговора» со своим прошлым. Все эти процессы, в конечном итоге, способствовали дальнейшей культурной самоидентификации России.

В третьей главе «Итоги диалога немецкой философии и русского литературно-философского романтизма в культуре первой половины XIX века» анализируются типы отечественного литературно-философского романтизма, сформировавшиеся в России первой половины XIX века и явившиеся результатом диалога культур России и Германии.

В первом параграфе третьей главы **«Влияние немецкой философии на формирование русской литературно-философской критики»** рассматривается процесс активного формирования отечественной философской эстетики и на её основе – литературной критики и публицистики.

Этот процесс был связан, прежде всего, с творческими поисками русских писателей-романтиков, для которых создание философской лирики являлось первостепенной художественной задачей. Обоснование смысла и сути поэзии, связанной с философией, явилось основной причиной появления на свет русской философской эстетики, в которой затрагивались социальные и экзистенциальные пласты человеческого бытия. В диссертации отмечается, что в первой половине XIX века в русском литературно-философском романтизме *критика выступала ведущей формой выражения эстетической мысли*, в отличие от развития немецкой критики, которая выполняла подчиненную роль. Романтиков интересовали как «вечные вопросы», так и проблемы соотношения прекрасного с действительной жизнью. Романтическая эстетика формировала новые смыслы в понимании роли художника, художественной формы, эстетического восприятия, эстетических концептов, произведений искусства, формирования вкуса публики в коммуникативных практиках, социокультурных контекстах.

Постепенно перед русской эстетической мыслью вставала задача осмысления уже имеющегося художественного и философского опыта и формулирования уже совершенно новых, сообразующихся с контекстами времени задач. Русская философская эстетика развивалась в диалоге с немецкой эстетической мыслью, но не следовала буквально за ней, а находила свои пути развития. Это в первую очередь относится к переосмыслению ряда концептов немецкой эстетики и перенесением их на собственное художественно-теоретическое поле, прежде всего в сферу критики, занимавшую особое положение в проявлении «открытых эстетических законов» (Ю.В. Мани). В диссертационной работе отмечается, что немецкая философская эстетика была ориентирована на *отвлеченное знание*, в то время как русская эстетика связывала свои размышления с *конкретно-действенным бытованием идей* в России. В своих статьях критики представляли широкую панораму действительности и концептуальное осмысление жизни и роли человека в обществе. На этом основании литература обретает особое положение в обществе.

Многие представители русской культуры, видевшие в занятиях искусством единственную достойную цель, могли себя позиционировать как свободных людей. И в этом заключалась уникальная роль искусства в то время. В результате творческого переосмысления идей немецкой классической философии в рамках диалога культур русские мыслители пришли к идее первоначального развития критики по отношению к поэзии, в отличие от немецкой критики, которая возникала на основе поэзии и прозы. Это главная методологическая установка использовалась в творчестве поэтов-любомудров, С.П.Шевырева, В.Г. Белинского, И.В. Киреевского и др. Русские критики, прежде всего в лице Н.И. Надеждина, И.В. Киреевского, В.Г. Белинского формировали в рамках диалога с немецкой культурой русский литературно-критический дискурс, в котором анализировались новые смыслы и понятия самобытности, народности, деятельности художника, исторического развития искусства.

Киреевский выдвигал идею обретения национального самосознания и создания русской философии. Первоочередную роль в этом процессе призва-

на была сыграть литература, которая должна вобрать в себя всю русскую жизнь, знания, философию. В стремлении к выявлению сущностных черт русской культуры и поиска места в ней искусства, он искал философскую сущность творчества в произведениях А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, Е.А.Боратынского, Н.М. Языкова. В.Г. Белинский в литературной критике формулирует основные задачи «истинной эстетики», сущность которой сводится к идее связи теории и действительности, к рассмотрению искусства, которому надлежало быть связанным с жизнью. Искусство должно развиваться в рамках существующего художественного контекста, охватывающего философские, литературные, исторические, политические и религиозные смыслы.

Представления немецких мыслителей (Шеллинг, йенские романтики) о прекрасном, как эманации абсолютной и вечной идеи, породили в русском литературно-критическом романтизме два разных смысла. В первом считалось, что в природе нет «идеи прекрасного», а она присутствует только в творениях художников (И. Кронеберг, Н.А. Мельгунов); второй содержал вывод, что природа сама по себе прекрасна и красота есть гармония, в которой проявляет свое творчество «дух» (Н.И. Надеждин, В.Г. Белинский). Человек и действительность также прекрасны сами по себе. Поэтому, провозглашая эстетическую ценность жизни, действительности, Белинский шел против идеи немецких романтиков об имманентности художественной красоты и против эстетического идеала Шеллинга.

Во *втором параграфе «Реинтерпретация немецких философско-эстетических идей в художественном творчестве русских поэтов-романтиков»* отмечается, что в результате критического диалога культур Германии и России в произведениях русских поэтов-романтиков создаются новые смыслы самоидентификации личности, а также формируется национальная стилистика искусства. Одной из отличительных черт русского литературно-философского романтизма является христианский гуманизм, выраженный в форме светского искусства. Такой «парадоксальный» вывод объяс-

няется во многом тем, что русская литература смогла схватить, отрефлексировать идеи немецкой классической философии, прежде всего потому, что русское мировоззрение было к этому подготовлено православной традицией «любви к Богу и человеку».

Одна из основных идей немецкой классики – гуманистическая идея в виде христианского разума – раскрывается в качестве всеобщего разума. Подъем русской культуры проявлялся в стремлении интеллигенции познать христианского Бога философски и в этом осознать самих себя. В русской культурной элите поиски «всеобщей истины» осуществлялись в литературно-философской форме и были связаны с реинтерпретацией, как его отличительной чертой, философско-эстетических идей немецкой классической философии. В нашем представлении *реинтерпретация* – это уточнение, изменение и порождение нового смысла и значения первоначально осмысливаемой и интерпретированной информации, это определенный метод одновременного существования в рамках определенной традиции и её преодоления, изменения, дополнения.

Основной системой смыслов в художественной литературе России первой трети XIX века явилась философская поэзия, исследующая экзистенциальные основания человеческого бытия. Если у немцев поэзия – героиня философии, то у русских – философия выступала героиней поэзии. Русская поэзия и проза являются «философскими», потому что «исследуют» глубины человеческого бытия и формой веры, и формой разума. Поэтому философская поэзия рассматривается в диссертации как особая форма философствования, направленная на познание сущности бытия и духовного мира личности, но специфическими образно-нарративными средствами. Русская философская поэзия, являясь формой вольной философии, поднимала такие вопросы бытия, которые либо мало, либо вообще не интересовали академическую и университетскую философскую элиту. Это были общемировоззренческие вопросы, рассмотренные сквозь призму художественной интуиции. В художественном творчестве поэтов-романтиков Д.В. Веневитинова,

Е.А. Боратынского, Ф.И. Тютчева, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова в результате реинтерпретации идей немецкой классической философии формулируются собственные, оригинальные образы и концепты, выраженные в художественных текстах и погруженные в речевые и культурно-коммуникативные практики и разнообразные контексты.

В противоречивом соотношении концептов, представленных в стихотворных текстах, «человек – природа», «человек – душа» выражается мировоззренческая позиция Ф.И. Тютчева о беспредельности человеческой души, которая в то же время является тенью природы. В литературно-философских текстах Тютчева, например, *концепт времени* интерпретируется отлично от понимания его Шеллингом. Если у Шеллинга время – это проявление мирового духа, а поэт только отражает бытие вещей во времени, то Тютчев вкладывает иные смыслы в концепты времени и пространства. Время, олицетворяющее жизнь природы, бесконечно и конкретно, а человек в движении времени беспомощен и беззащитен. Отсюда вполне объяснимо пессимистическое настроение многих поэтов-романтиков. В *концепты «жизнь», «смерть», «день», «ночь»* русские романтики в своих художественных текстах вкладывают отличные от немецких смыслы и связывают их с теми контекстами, в которых они формируются. Жизнь не только миг, но и трагедия. В результате осознания неразрешенных противоречий жизни, личность должна слиться с природой, но она этого сделать не может. День – это светлый мир, а ночь – это темный мир.

Русский романтизм, как преемник многих философских идей немецкой классики, сыграл огромную роль в формировании пушкинского поэтического творчества, в котором шел внутренний диалог с европейской культурой. Он был связан с осмыслением бытия, жизни человека, с устремленностью к его темным сторонам и болезненным проявлениям человеческой природы, а также с осмыслением роли искусства, роли поэта и поэзии. Этот диалог был разомкнут в будущее и способствовал становлению русской национальной литературы и философии.

В художественном дискурсе Лермонтова, сформированном в трагическом контексте эпохи, прослеживаются размышления о ненависти и любви, об идеале и действительности. Его мироощущение, трагичное по своей сути, становится философской и психологической доминантой не только его творчества, но и целой русской культурной эпохи. Так, его образы «лишнего человека», рассматриваемые в различных произведениях, приобретают концептуальный характер отчужденной личности. Лермонтов рассматривает личность не только на уровне социального, но и экзистенциального бытия.

В результате диалога культур (внешнего и внутреннего) в художественном творчестве отечественных поэтов-романтиков формируются философские смыслообразы, выразившие зарождающееся национальное самосознание и первую культурную самоидентификацию русской личности.

В *третьем параграфе «Диалогическая природа русской философской прозы первой половины XIX века»* анализируется процесс становления отечественной философской прозы в 30 – 40-е годы XIX века. В это время в поле зрения русских романтиков попадают прозаические произведения немецких писателей-романтиков – Новалиса, Гофмана и др. Размышления о сущности мира и о месте человека в нем, анализ действительности способствовали созданию оригинальных художественных прозаических текстов русских романтиков. В диссертации утверждается, что в результате критического диалога с немецкой литературой и философией рождалась отечественная философская проза как специфическая форма философствования.

Основным принципом литературно-философского творчества русских прозаиков явилось стремление писателя выразить при помощи художественного вымысла собственные принципы мышления и отношения к миру и бытию. В философской прозе воплощается система ценностей личности, её мира. Постепенно художественное творчество русских прозаиков становится более философичным, теоретически и социально заостренным, что способствует, по мнению Любомудров, стиранию границ между философией и литературой.

Общественно-политические и идеологические контексты «постдекабристской эпохи» способствовали поиску новых ориентиров, идеалов, мировоззренческих оснований, стремлению к самопознанию и проникновению в сущность бытия новыми художественными средствами. Особенностью философско-эстетического мировоззрения русских романтиков в этот период явилось авторское изложение в доступной форме собственных философских поисков, вылившихся в создание философского романа и философской повести. В диссертации утверждается, что проза немецких романтиков основывалась на отвлеченных идеях философии истории (у Ф. Шлегеля и Новалиса – свобода человеческой личности, у Шеллинга – развитие всего человечества). В отличие от них, русские романтики в центр художественного произведения ставили действительность и жизнь отдельного человека. Доказывается мысль, что в литературно-философском творчестве русских писателей романтические концепты наполняются новыми смыслами (например, концепт «безумия» художника). Роман В.Ф. Одоевского «Русские ночи» является ярким примером художественного дискурса, в котором заключена авторская бескомпромиссная критика прошлого и настоящего, связанная с анализом дисгармоничности и разорванности человеческого бытия и соединенная с верой в будущее, которое представляется писателю-мыслителю как нравственная и социальная гармония.

Художественно-прозаические дискурсы Пушкина, Лермонтова и Гоголя используют различные системы смыслов, выраженных в концептуальной форме: Пушкин способствовал созданию русского «метафизического языка»; Лермонтов исследовал бездны человеческой сущности и стремился приблизить читателя к глубинам собственной души; Гоголь вносил натуральность в изображение действительности, а так же формулировал концепт «маленького человека». Весьма философичны литературные тексты Герцена, так как именно философичность становилась главным принципом формирования его художественного образа. В центре его размышлений становится человек, который борется за свои права и который предстает в виде автобиографическо-

го героя со своей рефлексией. Так писатель в своем прозаическом произведении в художественных образах выражает философскую идею.

Русская философская проза становится единством познания и действия, художественного и философского осмысления мира, выражением иррационально-психологических и экзистенциальных пластов человеческого бытия.

В заключении обобщаются результаты, формулируются окончательные выводы и указываются перспективы дальнейшего развития темы исследования.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Монографии и учебные пособия:

1. Философско-литературный диалог в культурном пространстве России и Германии I половины XIX века: монография. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – 255 с. (12,5 п.л.).
2. Эстетика: Учебное пособие / Т.И. Липич. – Белгород, 2004. – (5,5 п.л.).

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

3. Методологический аспект изучения романтизма // Гуманитарные и социально-экономические науки. – № 2. – Ростов-на-Дону, 2005. – С. 118-120. (0,5/0,4 п.л.) (в соавторстве).
4. Философско-эстетические искания Любомудров // Фундаментальные и прикладные исследования. – Вестник БУПК. – №1(15), 2006. – С. 32-41. (0,5 п.л.).
5. Диалог светской и религиозной культуры // Личность. Культура. Общество. – Международный журнал социальных и гуманитарных наук. Т.VIII. – Специальный выпуск 1 (33). – М., 2006. – С. 286-293. (0,5/0,3 п.л.) (в соавторстве).
6. Художественно-эстетическое постоянство романтического концепта А.С. Пушкина // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». Белгород, 2007. – №9 (40). – Вып. 2. – С. 70-81(0,5/0,4 п.л.) (в соавторстве).
7. Философско-литературный диалог в контексте культурного процесса в России первой половины XIX века // Гуманитарные и социально-экономические науки. – Ростов-на-Дону, 2008. – С. 81-84 (0,5 п.л.).
8. К характеристике славянофильства // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – Белгород, 2008. – № 8 (48). – Вып. 4. – С. 151-158 (0,5 п.л.).
9. Русское романтическое шеллингианство I половины XIX века // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – Тамбов, 2009. – Вып. 8 (76). – С.134-137. (0,5 п. л.).
10. Рецензия на сборник «А. Мицкевич и польский романтизм в русской культуре / Т.И. Липич // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – Белгород, 2008. – № 14 (54). – Вып.6. – С. 220-224(0,4 п.л.).
11. Проблема специфики русской философии начала XIX века в историко-философской науке // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – Белгород, 2009. – №2 (57). – Вып.7. – С. 24-34.(0,8 п. л.).

12. Диалог как форма взаимодействия культур // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – Белгород, 2009. – №10(65). – Вып 9. – С. 44-50. (0,6 п. л.).
13. Славянофильство и западничество: концептуальная оппозиция доктринам классической немецкой философии // Научные Ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – Белгород, 2010. – №14 (85). – Вып. 13. – С.5-13 (0,5 п. л.).
14. Липич Т.И.. Вопросы литературы к философии / Т.И. Липич // Человек. – М., 2010. – №2. – С. 150-158 (0,8/0,5 п. л.) (в соавторстве).
15. Литература и философия - две формы национального самосознания // Научные ведомости БелГУ. Серия «Гуманитарные науки: Филология. Журналистика. Педагогика. Психология». – Белгород, 2011 – №2. – С. 22-26 (0,5 п.л.).
16. Литературно-философский дискурс и проблема диалога культур // Научные ведомости БелГУ Серия «Философия. Социология. Право». – Белгород, 2011. – №2 (97). – Вып.15. – С. 60-69 (0,8 п.л.).

Публикации в научных журналах, коллективных монографиях и сборниках:

17. Философский аспект восприятия и эмоционально-эстетической оценки действительности романтическим героем Байрона и Лермонтова // Английская литература в контексте мирового литературного процесса. Тезисы докладов V Международной конференции ученых-англистов. – Пермь, 1995. – С. 37-38 (0,3/0,2 п.л.) (в соавторстве).
18. Эволюция русского байронизма // Английская литература в контексте философско-эстетической мысли. Материалы VI Международной конференции английской литературы. – Киров, 1996. – С. 143-144 (0,3/0,2 п.л.) (в соавторстве).
19. Проблема отчуждения в русской литературе XIX в. // Сб. студенческих работ. – Белгород, 1998. – С. 46-47 (0,2/0,1 п.л.) (в соавторстве).
20. Липич Т.И.. Проблема свободы в творчестве Пушкин // Сборник студенческих научных работ. – Белгород, 1999. – С. 35-37 (0,3/0,1 п.л.) (в соавторстве).
21. Идея творческой свободы в системе пушкинской поэзии // «К Пушкину сквозь время и пространство» // Сб. статей. – Белгород, 1999. – С. 16-21 (0,5 п.л.)
22. Духовной жаждою томим... //«Христианство и русская культура» // Сб. тезисов и материалов научно-практической конференции. – Белгород, 2000. – С. 37-40. (0,3/0,2 п.л.) (в соавторстве).
23. Философия рационализма и романтическая идея рока в драме М.Ю. Лермонтова «Маскарад» // Современная социально-философская культура: проблемы рационального и внерационального. Материалы Международной научной конференции 17 – 18 мая 2002 г. – Белгород, 2002. – С.70-74 (0,4/0, 3 п.л.) (в соавторстве).
24. Ф.М. Достоевский и религия // Духовное возрождение: Сб. научных и научно-прикладных трудов. Вып. XI. – Белгород, 2002. – С. 6-10 (0,4/0,3 п.л.) (в соавторстве).
25. Толстой о смысле жизни и современность // Духовное возрождение: Сб. научных и научно-прикладных трудов. Вып. XI. – Белгород, 2002. – С. 10-14 (0,4/0,3 п.л.) (в соавторстве).
26. Концепция «истинной романтики» в эстетическом мировоззрении А.С. Пушкина // Духовное возрождение. – Вып. XV. – Белгород, 2003. – С. 82-95 (1/0,6 п.л.) (в соавторстве).
27. Вектор художественно-эстетической эволюции Пушкина-романтика // Актуальные проблемы социологического знания. – Вып. XXIII. – М., «Прометей», 2003. – С.110-123. (0,8/0,5 п. л.) (в соавторстве).
28. Человек перед лицом смерти // Духовное возрождение. – Вып. XVII. – Белгород, 2003. – С. 205-210. (0,4/0,3 п. л.) (в соавторстве).

29. Концепция происхождения человечества в творчестве писателей-изотеристов / Т.И. Липич // Концепция происхождения человечества в творчестве писателей-изотеристов. – Духовное возрождение. – Вып. XVII. – Белгород, 2003. – С. 210-215. (0,4/0,3 п. л.) (в соавторстве).
30. Современный взгляд на проблему пушкинского романтизма // Научные исследования: информация, анализ, прогноз: колл. монография под общ. ред. О.И. Кирикова. – Книга 2. – Воронеж, 2004. – С. 51-62 (0,8/0,5 п.л.) (в соавторстве).
31. Страх и славянофилы // Творческое наследие Н.Н. Стрехова и социально-гуманитарная мысль: Материалы международной конференции. – Белгород, 2004. – С.31-36. (0,4 п. л.).
32. Творческая эволюция пушкинского романтизма // Духовное возрождение. – Вып. XVIII. – Белгород, 2004. – С. 64-81. (0,5 п. л.).
33. Философско-литературная парадигма в русской лирике первой половины XIX века // Материалы XI Харьковских международных Сквородиновских чтений 24-25.09. 2004. – Харьков, 2004. – С. 169-175 (0,5/0,3 п. л.) (в соавторстве).
34. Эстетические взгляды и художественная концепция А.С. Пушкина // Культурно-цивилизационные особенности развития современного российского общества: Материалы региональной научной конференции. – Белгород, 2004. – С. 20-32 (0,5/0,3 п.л.) (в соавторстве).
35. Становление философско-эстетической системы раннего русского романтизма // Культурно-цивилизационные особенности развития современного российского общества. Материалы региональной научной конференции. – Белгород, 2004. – С.32-40 (0,5 п.л.).
36. Философия масонства // Духовное возрождение. – Вып. XXI. – Белгород, 2004. – С.172-179 (0,4/0,3 п. л.) (в соавторстве).
37. Русский романтизм в контексте русско-немецких литературно-философских связей // Международный философский конгресс. – Т. 2. – М.: МГУ, 2005. – С. 141-144 (0,2 п.л.).
38. К вопросу о становлении философско-эстетической культуры в России начала XIX века // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. – № 29. – М., 2005. – МПГУ. – С. 158-162 (0, 5 п. л.).
39. О создании «философского настроения» в России // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. – № 32. – М., 2005. – МПГУ. – С.153-157 (0,4 п. л.).
40. Философские тенденции в русской литературе начала XIX века // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. – № 34. – М., 2005. – МПГУ. – С.138-142 (0,5 п. л.).
41. Русская философская поэзия как явление духовной культуры // Культурно-цивилизационные основы развития современного российского общества в условиях глобализации: Сб. материалов ежегодной всероссийской научной конференции. – Белгород, 2006. – С. 141-148 (0, 4 п.л.).
42. Становление философской методологии русского романтизма // Философия, Вера, Духовность: истоки, позиция и тенденции развития: колл. Монография ; под ред. О.И. Кирикова. – Книга 13. – Воронеж, 2007. – С. 149-163 (0,8/0,5 п.л.) (в соавторстве).
43. Антропологическая философия русских романтиков // Человек в изменяющейся России: философская и междисциплинарная парадигма: материалы Всерос. науч. конф. Белгород, 2007. – Ч. I. – С. 115-118. (0,4 п. л.).
44. Формирование основ философско-эстетической культуры в воззрениях писателей-любомудров // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. – № 35. – М.: МПГУ, 2006. – С. 141-148 (0, 5 п. л.).

45. Философская поэзия Любомудров и Шеллинг // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: Сб. науч. тр. Кафедры философии МПГУ. Выпуск № 38. – М., 2007. – С. 98-105 (0,5 п. л.).
46. Романтические традиции в контексте художественного мировоззрения славянофилов // Философия, вера, духовность: истоки, позиция и тенденции развития: колл. монография под ред. О.И. Кирикова. – Воронеж, 2008. – Кн. 16. – С. 100-111 (0,6 п.л.).
47. Романтизм как «жизненная философия» славянофилов // Н.Н. Страхов и русская культура XIX – XX века: к 180-летию со дня рождения: материалы международной научной конференции. – Белгород, 2008. – С. 82-86 (0,5 п. л.).
48. Романтизм в общественном сознании и культуре I половины XIX века // Философские, культурологические и социально-исторические проблемы общественных наук: II Международная научная конференция памяти С. Н. Булгакова. Материалы. – Орел, 2008. – С. 64-72 (0,5 п. л.).
49. Романтические тенденции в философско-литературном наследии А.С. Хомякова // Хомяковские чтения – 2008: новые исследования в области религиозной и нравственной философии А.С. Хомякова: материалы Международной научно-практической конференции. – Тула, 2008. – С. 61-66 (0,4/0,3 п.л.). (в соавторстве).
50. Русская философская поэзия первой половины XIX века как форма познания сущности бытия и человека // Философские, культурологические и социально-исторические проблемы общественных наук: материалы / III международная научная конференция памяти С. Н. Булгакова. – Орел, 2009. – С. 50-56. (0, 5 п. л.).
51. К вопросу о формировании национальных особенностей романтического мышления русских писателей I пол. XIX века // Переясловская Рада: её историческое значение и перспективы развития восточнославянской цивилизации; по Материалам IV Международной научно-практической конференции 9-11 декабря 2009 года. – Харьков, 2010 – С. 96-100. (0, 5 п. л.).
52. Липич Т.И. Диалог культур как взаимное самопознание и самоутверждение // Проблемы Российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационное начало: материалы / Международная конференция ИФ РАН. М. – Белгород, 2010. – С. 177-182 (0,4 п. л.).
53. Философия и литература – формы национального самосознания // Шестые Страховские чтения: Философские проблемы понимания в науке и в культуре: Международная научная конференция. – Белгород, 2010. – С. 44-47 (0,4 п.л.).

Подписано в печать 05.09.2011. Формат 60x84/16.
Гарнитура Times. Усл. п. л. 2,5. Тираж 100 экз. Заказ 100.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИПК НИУ «БелГУ»
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85